

ТЕХНОСОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Проблема возникновения и сущности человека оказывается неразрешимой в рамках эволюционистского подхода в силу непреодолимой многозначности, вариативности возможных на его основе решений. Необходимо найти ту поворотную точку в биологической эволюции, где происходит разрыв постепенности и переход в новое качество. Обычно этот переход связывается со становлением социальности, под влиянием которой совершается скачок в эволюции живой материи. Ставка на главенство социального фактора в возникновении и развитии человека, безусловно, справедлива. Однако до сих пор остается неопределенной сущность (закон) самой социальности, в силу чего проблема человека, ориентированная на ключевую роль социальности, оказывается всего лишь переведенной с одного уровня неопределенности на другой. Таким образом, главное направление в рассмотрении вопроса о возникновении и сущности человека вписывается в направление поиска сущности социального бытия. Определение закона социальности задает логическую последовательность в рассмотрении человека, позволяет преодолеть многозначность, декларативность формулируемых положений. Иначе говоря, актуальность проблемы становления и развития человека в наибольшей мере обнаруживается именно в свете становления и развития социальности.

В основу социального познания могут быть положены две противоположные аксиомы, представляющие собой два разных ответа на вопрос – может или не может общество обеспечить всеобщее выживание своих членов? В зависимости от ответа мы получаем два варианта понимания всеобщего социологического закона, в соответствии с которым возможны принципиально разные социально-теоретические модели общества. На базе любой из двух противоположных посылок строится самостоятельная система социальной философии и философской антропологии. Следовательно, прежде, чем начинать *теоретические* дискуссии по тем или иным социальным

проблемам, надо определиться с выбором исходной позиции. Если они разные, то дискуссия оказывается бессмысленной.

Положительный ответ (абсолютистская, прогрессивистская модель общества) не позволяет научно объяснить общественную жизнь во всем многообразии ее противоречий: эгоизм, алчность, насилие, агрессия и другие *негативные* явления объясняются в этом случае некими врожденными качествами человека. Отрицательный ответ (релятивистская модель общества) методологически более продуктивен. Ключевым здесь является понятие техносоциальной формулы общества, физический смысл которой состоит в том, что обществу, как совокупности людей, требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести, масса проживаемой жизни требует большей массы расходуемой жизни.

Человек преодолел границы естественного равновесия, получив на основе использования техники дополнительные средства жизни сверх данного самой природой, и увеличил свою численность в той же среде обитания. Его жизнедеятельность осуществляется в рамках производственно-природного равновесия, переходящего с одного уровня на другой. На каждом этапе материально-технического развития человечество достигает предельного уровня производства и, чтобы не погибнуть, вынуждено переключаться на использование качественно новой ресурсной базы. При этом совокупная масса живого труда, расходуемого на осуществление процесса производства, растет с опережением, в силу чего совокупная масса производимых средств жизни не способна заполнить требуемый объем потребления даже при условии его усредненности в уравнивательском варианте распределения, оставаясь всегда меньшей по сравнению с той массой, которая обеспечила бы возможность существования всех участников производства. Материально-техническое развитие позволяет осуществить абсолютный рост производства средств жизни и численности народонаселения, но ни при каких обстоятельствах не может “преодолеть” действие данной техносоциальной формулы.

Главное социальное отношение господства и подчинения, бытие людей в отношениях друг с другом в качестве цели и средства составляет столь же необходимое условие осуществления материального производства, как и техника, – это две равноправные и неразрывно связанные стороны процесса производства. Данное общественное отношение “цели и средства” само по себе, как таковое, не зависит от уровня материально-технического развития и всегда остается базовым элементом любой социальной системы. В ходе технического прогресса меняются лишь его исторические формы. Что касается социальных революций, то они сводятся к перераспределению мест в системе социальной дифференциации, не будучи в состоянии упразднить ее в принципе.

Критерий общественного прогресса, не выразимый ни в типе техники, ни в форме социальной организации, ни в объеме знаний и духовной устремленности, в конечном счете, сводится к одному показателю – способности к выживанию общества, не имеющему каких-либо абсолютных значений с точки зрения пространства и времени. В свою очередь, в общественном развитии всегда сохраняется возможность утраты этой способности, что и составляет интегральное содержание социального риска.

Следовательно, сущностное содержание совместной деятельности, целенаправленного взаимодействия состоит во взаимной борьбе за выживание, а не в сотрудничестве. Человеческий способ существования живого, в отличие от естественного, базируется на внутривидовой дифференциации, в рамках которой одни люди служат источником жизненного ресурса для других. Фундаментальным социальным отношением является отношение “цель – средство”.

Техносоциальная формула общества не выводится как результат научного поиска, она является сугубо философским онтологическим продуктом, давая науке методологию исследования общественной жизни, а религии рациональную мировоззренческую схему, позволяющую освободиться от наивных рассуждений по поводу нормативности человеческой жизни. В частности, в техносоциальную формулу органично вписываются понятия

грехопадения, искупления, покаяния, жертвы и т.п. Она предоставляет равные возможности науке, религии и философии в построении объяснительных моделей человека.

Ощущение действия техносоциальной формулы означает утрату последнего Абсолюта, с признанием которого человек имел точку опоры в своей жизни, когда ему было во что верить, на что надеяться и что любить. Сначала наука вытеснила из сознания Бога и модель всеобщего спасения, а потом, отвергнув идею вечного двигателя, сама оказалась неспособной обеспечить всеобщее выживание людей. Бог умер, наука обманула, и люди остались наедине друг с другом перед лицом природы, как единственной объективной реальности, при том условии, что в этом совместном существовании чья-то жизнь оказывается всего лишь простым средством другой жизни.

Человек всегда был загадкой для самого себя. Если оставаться в рамках абсолютистского прогрессивизма, то будет бесконечное плетение интеллектуальных кружев в понимании человека при отсутствии единых исходных посылок в его рассмотрении, без достоверных критериев истинности. Надо идти вперед и сформулировать исходную онтологическую посылку, снять ореол загадочности с человека, а потом уже решать проблему его понимания. Поскольку рационально обосновать человеческий способ существования живого невозможно, а жить совместно и выстраивать отношения надо, то нужно иметь некие позитивные допущения. Здесь неизбежно на первый план выступает богословие. Иначе говоря, следует идти вперед от бесконечного плетения узоров поиска путей к заданному бытию к решению проблем единения людей при отсутствии самой заданности его.

Проблема реализации нравственных идеалов в абсолютистской модели общества сводится к проблеме взаимопонимания и выстраивания договорных отношений, но это не выходит за рамки социальных утопий. Нравственные идеалы относятся к мифологическому сознанию и включены в идеологическую

сферу в качестве средства борьбы за выживание. Универсальной общеисторической формой мифологического сознания является религия.

Таким образом, жизнь за пределами естественного равновесия является сущностным признаком человека как особого существа в природе. Освещается ли он электричеством или живет при свечах, пользуется ли самолетом или перемещается на телеге, воюет ли он с помощью огнестрельного оружия или “вручную”, удерживает ли работника с помощью железного ошейника или “привязывает” его к рабочему месту зарплатой, – все это само по себе не является показателем собственно человеческого бытия человека, критерием общественного прогресса. Устойчивость, запас прочности выживания, – вот главный показатель для человечества в целом, здесь не может быть никаких ценностных суждений, поскольку благополучная жизнь возможна только на основе дезорганизации другой жизни.

Каждый человек от рождения имеет право на жизнь, но на всех жизненного ресурса не хватит, в жизненном пространстве все не поместятся, кто-то оказывается лишним, потому что людям требуется большее жизненное пространство, чем то, которое они могут создать. Есть совокупная масса жизни, с одной стороны, и совокупная заявка на жизнь – с другой; масса заявленной жизни превышает массу предоставленной. То есть всегда нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Следовательно, провозглашенное право на жизнь означает не что иное, как право на борьбу с другой жизнью и потому оно лишается самого статуса права.

Исходным состоянием общества является совокупность живых существ природы, проще – животных. В их переходе к новому способу жизни нет ни природной необходимости, ни божественной предзаданности. Есть только естественная эволюция во всем многообразии ее разветвленности и соотносительности форм хаоса и порядка. И что бы люди ни приписывали самим себе из области высокой духовности, будь то особый смысл, особые цели, особое назначение их присутствия в этом мире, они никогда не перестанут быть просто живыми организмами, научившимися преобразовывать

природу и создавать новые ресурсы жизни, но не имеющими возможности вырваться из природной необходимости, вынужденными бороться друг с другом за выживание и переживающими состояние бескомпромиссной борьбы в виде особой духовности со всеми ее смыслообразующими атрибутами.

Природное существование, будучи естественным процессом, не требует ни рационального осмысления, ни эмоционального переживания и не подлежит оценке. Социальное бытие все это требует по той простой причине, что человеческая жизнь оказывается возможной только за счет другой человеческой жизни. Т.е. необходимо объяснение и оправдание человеческой жизни, ее обоснование. Однако рациональное сознание здесь оказывается бессильным, на первый план в объяснении человеческого бытия выступает ложное сознание, или, по определению К. Маркса и Ф. Энгельса, идеология. Ложное сознание – это не просто мифологическое, иллюзорное заблуждение, это нормальное сознание, а иного не может быть в принципе.

Итак, из непреодолимости действия техносоциальной формулы вытекает человеческий способ жизни вообще, в развитой форме представленный производственно-технической деятельностью, собственностью, семьей, государством и духовной жизнью в виде научного познания, политического и правового регулирования, а также комплекса идеологической нормативности – морали, искусства, религии, задающих систему ценностей в качестве базовых ориентиров человеческой жизни. Беспредельность процесса естествознания поддерживается ненасыщаемым поиском предметной полезности, политика и право диктуются практической целесообразностью, идеологическая нормативность направлена на формулирование цели и смысла человеческой жизни, определение ее истинности и справедливости в контексте бескомпромиссной борьбы людей друг с другом за собственное выживание.

Осознание техносоциальной формулы общества позволяет человеку сформулировать три главных заповеди своей жизни, соизмеримые с объективностью его бытия: понять *что* он хочет, узнать *что* для этого надо и *ничего* не бояться. Не бояться в конечном счете смерти, поскольку любой страх

так или иначе сводим к страху смерти. Здесь речь не идет о безразличии к жизни, а имеется в виду, что в соревновании за нее на первом месте должно быть стремление победить, а на втором – не погибнуть, независимо от того, какой конкретный смысл вкладывается в понятие победы и гибели. Те, для кого гарантия жизни на первом месте, никогда не побеждают и чаще гибнут, на войне в том числе.